

Н

аше «расчудесное», рассудочно-меркантильное время «расчудесно» еще и тем, что оно плодит великое множество лжеписателей и лжепоэтов. Несомненно, этому способствуют электронные devices, носители, гаджеты, «софты» и соцсети. То есть, по сути, скучная «цифра» противостоит и сопротивляется живому слову. При поездке, скажем, на работу любой графоман может от скуки набрать на андроиде или айфоне вирши свои и тут же вбросить их во все соцсети. Это не достижение, это беда наша общая: пропала промежуточная и самая важная ступень от писателя — к читателю. Исключен из этой цепи рецензент, «оценщик». Плохой или хороший, но напрямую не заинтересованный, никем и никак не ангажированный. А таковой был в любом издательстве и любом журнале во времена СССР.

Сколько нужно было пройти ступеней рецензирования и оценки в стране СССР, чтобы напечатать книгу, особенно первую, заявить о себе, — об этом говорить не станем. Зато и издавалась свежая книга тиражом от 50 000 до 75 000 экземпляров. Сегодня тираж 500 экземпляров — уже достижение, уже хорошо. Как следствие — невероятное падение не только уровня мастерства, а и просто грамотности. Кто сохраняет верность слову, чутье, вкус? Конечно, писатели от 40 лет, старше и много старше.

Они воспитаны на отборной, а не просто хорошей литературе. Они выросли без компьютерных призраков «Стихи.ру», «Проза.ру» и прочих прибежищ словесного мусора.

Марина Саввиных принадлежит именно этому поколению. Уже только по этому признаку она заслуживает внимания, и даже если бы я не был ранее знаком с ее поэзией, конечно же, не отказал бы ее новой книжке в чтении. Передо мной только что вышедший из печати сборник «Небо полуночи»¹, в который вошли стихи разных лет. Он невелик. Прежние — а это более десяти поэтических книг, книг прозы, художественной публицистики — убедили меня сразу, что передо мной сильный и глубокий автор. Чего стоит одно только интервью с П.Н. Красновым, а также стихотворения, которые публиковались в журналах «День и ночь», «Зинзивер», «Крещатик»... Теперь вот — «Небо полуночи». Среди литературщины, столпотворения поистине вавилонского, когда в прихожей сегодняшней литературы — несмолкающий «гвалт» и «хай», как на порушенном войной вокзале при отступлении армии, — нам еще радостней, что есть спокойное, стройное и правдивое слово. Есть кого послушать. Не дезертиров, «липу» купивших, не паникеров и пацифистов, когда необходимо сопротивление, а спокойный голос сохранившего свое человеческое достоинство современника.

В наше особенное время все острее, пронзительней и даже необходимей — встреча с настоящим поэтом. Это редкость. Оттого она и неожиданна. Ведь всякий раз сохраняется опасность, что, привыкнув к методично-убаюкивающему рифмоплетству посредственностей, мы и сами скоро начнем с трудом отличать настоящий талант от серости и элементарной выучки, Дар — от бормотания потребителя-«образованца». В самом деле, ведь музыкальный инструмент без должного ежедневного применения расстраивается — что уж говорить о человеке. Слава Богу, этого пока еще не произошло. И дороги слова, обращенные ко мне непосредственно как к сотрапезнику сократовского толка. Послушаем Марину, ее спокойный рассудительный голос:

Становится безжалостно строга
Правдивая основа целой жизни —
И вот у человека нет врага,
А есть седой сотрапезник на тризне.

«На тризне». Именно. Все мы живем, как на вулкане. Кто первый, кто последний в ряду — никто не знает. Жизнь коротка.

Настоящий талант отличает скромность. Если всего лишь в полталанта Господь наградил, то и тут уже прибываются зависть окружающих «талантливому» людей, мстительность и нетерпение их. А если таланта нет — то громкие заявления, требования: скорее признайте меня, оцените и поклонитесь. Сколько примеров: чем меньше дар, тем больше амбиций. И психозы, и даже суицид — вовсе не редки...

Добрая улыбка Марины и ее ирония над собой импонируют. Это свидетельство качества души. Это тоже крайне редко сегодня, как и главное: Дар. В продолжение начатого разговора о нынешнем положении в литературе посмотрим, как талант (настоящий талант!) относится к своему творчеству:

Невольно поддаваясь на обман,
Который повсеместно одинаков,
Сливает гениальный графоман
Поток души с потоком вод и злаков;

¹ Марина Саввиных. Небо полуночи. — Красноярск: «Литера-принт», 2021. — 72 с.

Он входит в одиночество, как в храм,
Где трепет свеч и ангельское пенье,
И приобщает Бог к своим дарам
Его золотоносное терпенье...

Ах вот как... Даже так: «графоман»... Нет, пожалуй, графоман так не напишет! Ничего подобного. Уже в названии книги слышится лермонтовское «небо полуночи», заявка на незаурядное, на высокое искусство:

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Будем внимать и мы катренам Марины Саввиных. О чем просит поэт, награжденный даром слова — говорить, рифмовать? Строчить вирши? Вовсе нет:

Научи меня, Дева, терпеть и молчать,
Не искать за собою вины:
Наложи на уста золотую печать
Первозданной Твоей глубины.

Только в тиши, в раздумьях, в постоянной рефлексии, в роскошном одиночестве «доспевает» до великих стрóf поэт. И разве не находишь тут созвучия той глубине, той высоте великих поэтов Золотого, Серебряного веков? Нет в них «каменного» и «железного» нынешнего безразличия и холодного нечувствия, свойственного многим. Нет и пластмассовой излишней гибкости или, напротив, ломкости. А есть живая пульсация чувства и мысли, есть пластика, есть пластичность:

По нити дождевой осколок световой,
Пульсируя, снует — назло крыльцу и тучам...
Давай же — соскользни (по нити дождевой!),
Как семечко в гряде, в круговорот живой,
Сомкнись с самим собой в его котле кипучем!

«Круговорот живой» для «семечка». А «семечко» — и это, конечно, понятно — росток жизни. Любой. И в первую очередь — человеческой. Какая замечательная находка, мне она представляется даже ярче, чем у Ходасевича в прославленном стихотворении «Путем зерна». И далее как развитие и обобщение слышим:

Храни меня, простор моей свободы,
Живого мира слаженность и сложность,
Нерасторжимость мысли и природы
И радости счастливая возможность!
О, радоваться редкая возможность,
Соединенье счастья и печали!..
Мой лоб — горяч, и в этом непреложность
Того, что мне не отзвучали
Колокола рассвета и заката,
Колокола полуденного зноя,
Свирель сестры и звонкий бубен брата
И пращуров молчанье земляное...

...И тотчас угадывается, сколь многое стоит за этими четверостишиями: и Данте, и мысленно пережитое Средневековье, и филология, и философия в их сокровенном, скрытом за семью замками для нынешнего молодого поколения потаенном смысле.

Мастерство и дар необходимо заслужить. Это как некая дорога, каждый пово-

рот которой стережет дракон о семи головах. Каждая новая мысль — тайна, каждая — находка. А сколько уже написано и найдено до нас! Отыщи сам, «откопай» свой оригинальный взгляд, попробуй — это редкая удача. Все было, а разве нет? И «яблони в цвету», и «журавли», и «соловьи», восходы и закаты... Эти буквально и метафорически написанные картины столько уже раз написаны, что найти иной взгляд на событие, новую мысль — все равно что построить корабль новый, очистить бухту для открытого плавания, для выхода в бушующее море. Не больше, не меньше. Но каково созвучие, читаешь — и слышишь звон колокола к заутрене. Не намеком или тенью — живое присутствие жизни и судьбы, земной и загробной. «И пращуров молчанье земляное». А над погостом храм. И призывает живых: «Придите ко мне все страждущие и обремененные, и Аз упокою Вы». Так прорастает ввысь и вглубь голубого неба зародыш, «семя» поэзии Марины Саввиных.

Что ж! нет взаимопонимания,
Единое недостижимо!
Но разве легче сочетание
Живого пламени и дыма?
Мой ангел! посвяти парение
Глухому обмороку тела —
Не вознесенья, а смирения
Я так хотела... так хотела...

«Смиренья, а не вознесенья». А ведь только через смиренье и возможно спасение. Но ведь спасение — это и есть вознесение, воскресение. Так зашифрован, зашит смысл в восьми коротких строках. Что это, если не мастерство? Интуиция? Но подлинное мастерство — это совмещение всех способностей и умений, «включение» всех чувств. Там, где холодная мастеровитость, — пустыня для творчества.

Сразу вспоминается игумен Никон Воробьев — с его тюрьмой и благодарением Бога за муки заключения: «Я никогда не был так счастлив и близок к Богу, как здесь, в тюрьме...» А смирение великого страдальца и гениального хирурга Луки Войно-Ясенецкого?! Да разве только их...

Я — послушница в Доме Ответа.
У меня еще не было слов.
Что промолвлено мною и спето —
Только чей-то случайный улов,
Только горла глухое шуршанье,
Только формы холодная жечь...
Где предел моего послушанья,
Что за этим пределом — Бог весть...

И тотчас — по тону и тембру, веянием-наитием воздуха горного, из настоящей поэзии приходит на память Анна Андреевна Ахматова. Ну что, сравним со «Стихами.ру»? Результат будет не в пользу мусорного контейнера. Нарботанные слух и вкус приходят только с годами, с опытом. Но разве не годами рождается жемчужина в моллюске, разве не тысячелетия нужны для появления алмаза? А сколько должно сойтись случайностей, чтобы родился талант, подобный этим драгоценным природным явлениям...

Не в том грешна, что с кем-то мед пила,
А голова, хмелея, не пылала —
А в том, что в зряшных поисках тепла
Чужой души отведать возжелала...

И далее:

Кто ощутил восторг именованья —
Испепелясь в пылу соревнования,
Но все-таки восстав среди руин, —
Тот Богу уподобился один!
Ни возгласа, ни шороха — ни звука...
Лишь ты да тьма... да вещей крови звон:
Себя перемогающая мука
Из ничего явившихся имен...

«Вещей крови звон», «из ничего явившихся имен» — как схвачено, как сказано! Через три стихотворения — повторение и продолжение темы: Саввиных нигде не бросает на бумагу первое попавшееся, но возвращается к мысли и тревоге своей памятью живой. Исповедь «в миру» будоражит и тревожит душу:

Да — все отвергнуть или все принять,
Неся свой крест среди сестер и братьей...
Так есть и будет: время обнимать,
И время — уклоняться от объятий!
Когда весь мир — театр и Колизей,
Финал — открыт, но финиш — предскажем,
Бегу подобострастия друзей...
Но ведь Распятый — в кротости своей —
Ничьим не погнушался поцелуем?!

Напряжение, натянутая поющая струна. И нам, читателям, предлагается разделить с автором это напряжение. Но ведь и мы еще не опоздали в покаянии, верно? Пока человек жив — ему открыт путь спасенья. «Я есмь и Путь, и Истина, и Жизнь. Никто не спасется, кроме как через Меня». И поцелуем Иуды — не погнушался. Хоть все знал наперед. Финал и финиш предсказуемы. Но так ли уж предсказуемо главное — спасение души?

Помнится история из жизни святых отцов Православной церкви. Пришел к старцу безутешный отец, потерявший сына: тот сбросился с высокой башни и погиб. Отец терзался мыслью, что спасение для сына теперь невозможно. Сын — самоубийца: страшный грех, приводящий к смерти души. Старец неожиданно утешил и ободрил его — словами глубокими, но при этом лежащими как бы на поверхности. Он молвил безутешному родителю: «А почему знаешь, не пожалел ли твой сын о своем поступке, не покаялся ли в последний миг. Не обратился ли мыслью ко Христу?» Мы и знаем, и не знаем «финал». Все в деснице Божией. И впрямь — секунды порой отделяют нас от спасения.

Какою тонкою печалью
Пронизан воздух бытия,
Его свеченье и молчанье,
Минута каждая твоя!
Должно быть, грусть неотвратима,
Как возраст... но в ее поре
Даль очищается от дыма,
Клубившегося на заре,
Свет очищается от тени,
А тень от света — и видна
Под пленкой сумерек смятенье
Внушающая глубина...

«Еще меня любите за то, что я умру...» — сказала Марина Цветаева. Но и «смятенье внушающая глубина» произнесено искренне и точно. Тяжесть и в то же время благодатную ношу бытия отмечают старцы, достигшие высоты. Любовь ко всему живому, тварному и бесплотному, страх обидеть Отца, согрешить. Высокое

напряжение, которое предлагается книгой «Небо полночи», — поистине редко. От «сотрапезника» книга требует внимания, требует, чтобы он, читатель, следил за ходом мысли и всеми деталями душевного движения автора. Это требование, без которого не построить взаимоуважения, самого дорогого стоит. И тут уж не отделаешься ни софизмами, ни притворным сочувствием, ни игрой смыслов. Водопад мыслей и чувств туго бьет всем весом своим и играет на солнце, искрясь, радугой.

Яшмовые ветки Палестины...
Где в хлеву — случайный кров ночлега...
Где младенца нюхает овечка...
В вышине, не ведающей снега,
Белая звезда дрожит, как свечка...
Я к воротам шла приотворенным:
Кю Христу — от пагубы и срама.
Пес лохматый иноком смиренным
Молча проводил меня до храма.
И легли мне под ноги ступени,
Высоки, торжественны и тверды,
И глядели вслед из снежной пены
Чудные светящиеся морды,
Словно мне отныне предстояло
И за них нести труды обета,
Ежели всем тварям воссияла
Вифлеемская планета...

Ведь и скоты мучаются от первородного греха, ждут помилования прежде всего от нас, которые «человецы суть». Сказано у апостолов: «Блажен, кто и скоты милует».

Когда сладкоречивый Искуситель
Использует, как сети, наши души?!
Не в нем — так искушаемся друг в друге,
Не зная, как любить, кому молиться:
Младенцам, подрастающим в округе
Уже смешно глядеть на наши лица...

Бог ждет, когда каждый человек созреет; и даже дети, пришедшие свежими от Него к нам, — и они ждут нашего созревания. Они — проще и мудрее. Они не забыли еще, «не очнулись» от того Света, который сиял им до рождения и который, по Евангелию, просвещает каждого грядущего в мир — из тех, «кто от Бога». Им смешно смотреть на нашу растерянность, многократную нерешительность, малодушие. Как метко сказано, как здорово увидено. Радуешься невольно, читая такие строки.

Бог — гончар, созидатель, Демиург — незримо и неотвратимо присутствует в строках Марины Саввиных. Он неназываем, но тенью своей — всегда с читателем. В прозе же — описание того, что думает герой, как именно он думает. Но это, в сущности, неважно — необходимо дать характер и его тайну через примету, через поступок. То же и в стихах, и здесь — отличие качественной литературы от подделки: от притворства, лжи, от «лже»-кубизма, «лже»-футуризма, «потоков сознания», и проч., и проч...

Он движется... подобное в подобном...
Себя мы вспоминаем лишь в аду,
В неугасимом пламени, способном
К великому гончарному труду!

Или:

...Поэзия — искусство умирания.
А как меня томило сердце раннее,
Голодное до смысла и утех,
Уверенное в истине для всех,
Согласное, что все мы в чем-то лошади,
Что надо бы с толпой гудеть на площади,
В трубу трубить и, если суждено,
С победным криком вылететь в окно
И — вдребезги под праведными звездами!..
Но как во мне томится сердце позднее —
Бесплодной изнуряющей тоской,
Как известковый камень под рекой...
Река течет, толкает и стучится,
Частицу изымая за частицей
Из маленького тела моего,
Взамен не оставляя ничего...

Человек тает, суживается, умалется с большими годами. Время жизни его истаивает, «как известковый камень под рекой»... И как здесь не пожалеть, не воскликнуть с Маяковским: «Все мы немножко лошади». Тема открытого сердца, муки живого на этой земле — и образ битой хлыстом лошади как безответного существа, запряженного в повозку, — мучала Достоевского, свела с ума Ф. Ницше, переметом схвачена была Маяковским — и не им одним. «Все мы немножко лошади». Мы биты хлыстами судеб, мы «истаиваем», и — кто принужденно, и мало кто вольно — везем свои повозки. Несем свой крест, как сказано в Книге Книг — каждый из нас...

...Все величаво, истинно и цельно,
Во всем со всем живая связь сквозит,
И только ты — бессвязно и отдельно...
Свобода — распахнувшаяся даль,
И вся ее наука — отрицанье.
Я научусь! Но, Господи, как жаль
Оставить мир в пределах созерцанья!

Жаль и нас самих, жаль себя, и этот мир, и друг друга...

Да, с возрастом мы приходим к созерцанию — конечно, не все, «но кому дано»... И тогда мир видишь по-иному, бесстрастно, с жалостью. Как бы не изнутри видишь его, а с небес. И это самое ценное, самое важное в жизни — и в поэзии, вообще в искусстве. Дар избранным — то, о чем говорил прозорливый Есенин: «Видно, так заведено навеки — / К тридцати годам перебесясь, / Все сильнее, прожженные калеки, / С жизнью мы удерживаем связь». Или много повидавший Лев Толстой изрекает вдруг удивительное: «Я никогда не думал, что старость может быть так привлекательна»... А чем привлекательна? Не ветхостью же своей и не болезнями. Приближением к созерцанию, бесстрастию — единственно. И — как в противовес, который еще усиливает впечатление, — взгляд со всех возможных сторон: попытка понять и Иуду.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ СВИДРИГАЙЛОВА

Вот небеса, которых не видать
Ни ангелам из похоронной жести,
Ни птицам, разучившимся летать,
А мы с тобою в них летали вместе.
Кому теперь все слезы отольются,
Раз грозным судьбою ты стоишь?
Так смотрит перевернутое блюдце.
Так по спине в постель стекает мышь.

Так в сердце пробирается паук,
Овладевая бесполезным телом...
Так слышатся шаги. Чугунный стук.
Так кто-то по брусчатке чертит мелом.
Легко — претерпевать и отвергать,
Но истину принять — невыносимо,
А значит, могут только обжигать
Живую кожу ласки серафима.
И в ком тогда все слезы отзываются,
Когда и кровь — не кровь... и хлеб — не хлеб.
Ты слышишь? Небеса хрустят и рвутся.
Как черный креп.

«Бог умер», — провозглашает ницшеанство. «Бог сотворил мир, и почил он трудов», — говорит нам протестантизм. Не свидригайловщина ли все это, не попытка ли подмены? Когда «могут только обжигать живую кожу ласки серафима», человек слышит, что ждет его, слышит приближающуюся месть Командора: «Так слышатся шаги. Чугунный стук...»

В.В. Розанов тоже пробовал постичь этот мир со всех точек зрения — и получилось. Но ведь и здесь получилось, и здесь стихотворение — удача!

Мир ловил меня, но не поймал.

Григорий Скворода

...Он расставил на скудной тропе моей
И капканы скрытные, и силки.
Но такой ли достигнет заветных троп?
Не дано бедняге меня поймать,
Остается ему среди праздных проб
Загребущие пальцы свои кусать.
А меня — молоком небесных коров
Окормляет Господь;
Свой летящий флаг
Надо мной простирает, бескрайний кров,
И ведет по дороге бессчетных благ...

Переиначив прошлый абзац, скажу дерзость: «все мы немного» Григорий Скворода — едва ли не все пишущие давно и серьезно. Мы ловим минуту досуга, чтобы создать стихотворение, дописать рассказ или роман. Мы одержимы? Просто человеку, который умеет найти собеседника в себе и в Боге, не нужны собеседники в миру. Это о пишущих так метко сказано в сборнике «Небо полуночи». Мы видим, хотя и не ищем, друг друга и, обретая друзей из когорты себе подобных, радуемся. Потому, что умеем разглядеть «собеседника» на общей тризне земного мира:

Блаженны кроткие: из взор не замутнен...

.....

Нет им преград и нет у них врагов.

Не знают ни воров, ни дураков

Блаженные — ударь: подставят щеку...

А ты живешь — мякинный хлеб жуешь,

Клянешь, рыдаешь, мучаешься, ждешь —

И веришь проходимцу, как пророку.

А куда все идем? Все в одну сторону — и добрые, и злые. И даровитые, и бездарные. Идем ко Христу, к кресту:

Давай же, Фонарщик, свети человеку!

Возьми мое топливо — ради Христа!

...иду босиком по крещенскому снегу...

...схожу в обжигающий контур креста...

Но бытие наше, бытие одиночек — иное, не мирское, точнее — не мешанское, не обывательское. Так почему же мы бежим от мира? Или знаем наверняка, что мир этот «в детской дерзости своей» непременно будет «колебать наш треножник», «бранить»? Отчего такая разница, такое отличие поэта от простого смертного? Это и мука, и радость. Мука творчества, радость от хорошо сделанной работы.

Как в рассказе «Бернар» И.А. Бунина: «Мне кажется, что я, как художник, заслужил право сказать о себе, в свои последние дни, нечто подобное тому, что сказал, умирая, Бернар» (матрос шхуны «Милый друг» в рассказе Ги де Мопассана). «Думаю, я был хорошим моряк» Бунин переводит относительно себя, своей жизни: «Думаю, что я был хороший писатель».

Река и речь — от корня одного.
В мерцании значения былого
Присутствует их древнее родство...
Так в громком «слава» проступает «слово»,
Так «слово» расцветает в «соловье»
И в «солнце» — благодатно и сурово.
А «речь» живет и в ласковом ручье,
И в отречение схимника святого.
Отражены «начало» и «конец»
Друг в друге прорастаем вечных зерен.
«Кров» — «крови» прирастающей венец,
И «черт» не зря и чопорен, и черен.
«Род» в «радости» и в «гордости» гудит,
И в «раде», вести вольного совета...
А в «стаде» спрятан «стан», и слышен «стыд»,
Как в песне — птица, а в полете — лето...

Так зашифрованы в звуке, кажется, все стихотворения Марины Саввиных, и оттого читаются и вычитываются глубоко, символически, даже мистически ее строки. Мироззрение творческое, напряженное — вот что на самом деле свято для поэта. Само по себе — да, оно божественно. Это творческое напряжение — «в первоисточнике».

В Вавилонском смешении, в нашей сегодняшней литературной суеде произошло то, что многие и желали, и предсказывали, порой даже восторженно: плавильный котел страстей и пристрастий. При ничтожном мастерстве требование внимания к своей персоне, обилие причуд, сомнений, мало чем подкрепленных... На таком фоне книгу Марины Саввиных трудно переоценить. Она и таинственна, и величава. Горько, но знаю наперед, что многие из молодых не поймут ее в силу малообразованности. А значит, и не разглядят чудный дар поэта. Не смогут понять всего того, что несет эта книга, потому что Библии и Евангелия не читали. А ведь она, эта книга стихотворений, и призвана к окормлению молодого и даже зрелого читателя, от которого требуется едва ли не равная поэту самоотдача.

Каждому дню довольно своей заботы!
Очи отверз — а там уж трубят отбой.
Главное — узнать в этой жизни, кто ты,
Чтобы потом оставаться самим собой...
Так отлепись, душа, от костей кумира!
Не изменяй себе и не торгуй лицом!
Самое легкое — глиной в ладонях мира.
Самое трудное — в Божьей руке резцом.

То, в чем можно было бы упрекнуть Марину Саввиных, — это ажурность письма, богато, порой излишне выстроенный «ампир» ее стихотворений. Они могли быть написаны в таком стиле и в девятнадцатом, и в двадцатом, и в двадцать пер-

вом веке. И всегда могли быть прочитаны «к месту» и вовремя. «Но где же здесь о текущем моменте, тревогах и печалях, о нищете и блеске сегодняшних куртизанок, о народе, который за чертой бедности?» — спросит дотошный читатель.

На самом деле привязанность к сиюминутным событиям — еще не верная примета таланта и крепкой поэзии. Секрет литературы сокрыт в «мелочах», которые выводят нас к обобщению. Именно так задумана и исполнена книга, рассчитанная на того, кто скажет автору с надеждой и убежденностью: напишите то, о чем скорбит Ваша душа, то, что Вам, как поэту, наиболее свойственно и характерно. В этом игра и таинственность смыслов. Тайна, скрытая от обывателя. Востребованность, массовость — вовсе не показатель степени таланта, скорее — наоборот.

И потому рецензент смеет просить автора продолжить свою книгу именно так, как видит ее сам автор, который наперекор всему рассчитывает на взаимопонимание.

